

В ДОНБАССЕ

Мимо штабелями сложенных нашими саперами сбоку дорожки мин. Мимо взорванного моста. Мимо кладбища с густыми рядами маленьких белых крестов и с двумя чёрными большими крестами, под которыми похоронены высокие чины гитлеровской армии.

«Юзовка – 74 километра» – сообщает стрела указателя. Город Снежное остаётся позади. Дорога, одетая местами в камень, местами в гудрон, идёт среди польных холмов и среди запущенных полей, которые тянутся справа и слева от неё унылой чередой. До войны Донбасс славился не только углем, но и своей пшеницей, своими овощами, теперь же, куда ни кинь взгляд, – осот и полынь, изредка промелькнут клочок кукурузы, полоска подсолнуха, и снова волнами уходит к горизонту бурьян, клубки перекаати-поля перебегают дорогу.

Она изрыта, разбита, раздавлена, гудрон вылуцился, за два года гитлеровцы привели в полную негодность донецкую автомагистраль. В отпечатанном ими в Сталино «Русском календаре на 1943 год» я видел фотоснимок германской автострады с надписью: «Немцы – строители самых лучших дорог в мире». Но в советском Донбассе они разрушили всю дорожную сеть. За годы пятилеток Донбасс переплели асфальтовые и каменные шоссе, они связывали не только город с городом, но и посёлок

Анатолий Вениаминович Калинин (1916–2008) уходил на войну с первым эшелонном. После кончины писателя его архив фронтового корреспондента разобрали и систематизировали жена Александра Юлиановна и дочь Наталья. Анатолий Калинин печатался в журнале «Дон», где до последнего был членом редколлегии, и редакция сочла своим долгом опубликовать часть его фронтовых записок, которые сейчас приобрели особый смысл (пояснения к тексту Натальи Анатольевны Калининой).

с посёлком, шахту с шахтой. Теперь же вместо дорог остались груды щебня.

Первое, что встречаешь на шоссе, люди с тачками. Они снуют взад и вперёд, растянувшись на десятки вёрст. Чёрные от усталости женщины влекут тележки, нагруженные узлами и чемоданами, детскими корытцами, этажерками. На узлах восседают малыши, и самый меньший непременно плачет во весь голос, просит есть, но мать, не оглядываясь, тянет и тянет тачку, как вол, с набрякшими венами на ногах, на шее, на лице. Поток, струящийся на восток, встречается с потоком, текущим на запад. В освобождённые Красной Армией города и посёлки тянутся те, кто покинул родные места, свой дом, свой кров два года назад. Теперь они возвращаются, хотя почти каждый уверен, что найдёт вместо дома пепелище, вместо сада – обгорелые пни. Но всё-таки он тянет свою тележку, потому что дороже родной земли и того её клочка, где жил сам и где жили твой отец, твой дед, ничего на свете нет. Пусть она теперь неузнаваема, всё равно ты её узнаешь по тем приметам, которые может запомнить только сердце.

На восток же идут и едут те, кого оккупанты, отступая, угоняли с собой под дулами автоматов, под угрозой петли. Враг не надеялся далеко угнать советских людей, он и сам отступал так стремительно, что едва ноги уносил, но всё равно гитлеровцы гнали на запад женщин и детей. Жителей из Снежного, из Чистякова они догнали до Макеевки, там люди три дня просидели за городом в балке под артиллерийским обстрелом, по пояс в воде, и вот теперь бредут обратно, грязные, голодные, мокрые, под осенним пронизывающим ветром. Многие же так и остались лежать в балках, лесополосах и в противотанковых рвах, сражённые пулей в затылок.

Перед Чистяковым всё чаще встречаются сбоку дороги терриконы и рядом с ними копры, электрические подстанции, как правило, взорванные, сожжённые немцами. Но среди этих сооружений уже теплится жизнь, снуют рабочие, пилят лес, а трели мастеров, клепающих вагонетки, далеко разносятся во круг по степи.

Уклоняемся в сторону от шоссе, чтобы побывать на шахте № 10. Расположена она в красивом, лесистом, месте, издали шахтёрский посёлок можно было бы принять и за дом отдыха, но когда подъезжаешь к домикам поближе, оказывается, что все без исключения окна выбиты, двери сорваны с петель, большинство же домов – всего лишь кирпичные коробки, дотла выжженные внутри.

Гитлеровцы пытались добывать на шахте № 10 уголь руками советских военнопленных. В лагере при шахте № 10 их томилось 920 человек. Узнаю это из документов, брошенных немецким комендантом лагеря при бегстве. Женщины же рассказывали, что раздетых и разутых красноармейцев фашисты зимой, в тридцатиградусный мороз, загоняли в шахту. Выдавали им по 200 граммов ячменя в сутки, по пол-литра воды на человека. Каждый день на поверхность поднимали десятки трупов замёрзших и умерших от голода. Многих же вообще не убирали, оставляли лежать в штольнях. Шахтеры, спустившись в шахту уже теперь, после прихода нашей армии, говорят, что им кажется, будто они слышат в забоях голоса...

Мёртвых полицаи раздевали и отвозили на тачках за бугор, сваливали в балку, не засыпая землёй. Нигде не записывались и не сохранялись имена погибших. В своих частях они значатся пропавшими без вести. Во все войны и по всем международным законам пленным солдатам сохранялась жизнь, и они потом возвращались домой. Но далеко не каждая мать дожждётся теперь своего сына, жена – мужа, а дети – отца из гитлеровского плена. Убийцы глумились даже над трупами пленных воинов, отказываясь хоронить их так, как положено быть похороненным солдатам.

Гитлеровцы не смогли восстановить клеть и добывали на шахте уголь через шурф в мизерном количестве: по 8–12 тонн в сутки. Даже под страхом смерти пленные отказывались работать на них. Никак не могли наладить и транспортировку угля в Германию. Транспорт у оккупантов в Донбассе действовал совсем плохо, эшелоны десятками скапливались в тупиках в ожидании, когда восстановят путь, взорванный партизанами, разрушенный нашей авиацией.

Пример Донбасса – наглядное опровержение мифа об организаторских способностях фашистов. За два года они так и не смогли наладить ни угледобычу, ни работу энергоустановок, привели в запустение некогда цветущий край. Как и всюду, где побывали, они занимались грабежом. И в Донбассе они вывезли из городов и посёлков всё, начиная от телефонных аппаратов. Судя по всему, даже у германских инженеров, понаехавших в Донбасс, опускались руки. Не было веры ни в долговечность пребывания в Донбассе, ни в долговечность свою, личную, на захваченной и враждебной земле. Наши люди, попавшие под сапог оккупантов, не хотели на них работать, вредили, саботировали на каждом шагу.

Проезжая по автомагистрали, задерживаясь в городах и посёлках, останавливаясь, чтобы побеседовать с людьми, приглядываясь ко всему, снова и снова листаешь чёрную книгу «нового порядка», двухлетнего хозяйничанья гитлеровцев в советском Донбассе. На окраине города Чистяково – ещё один лагерь для военнопленных: гигантский квадрат земли, опутанный колючей изгородью высотой в два человеческих роста. Встречает страшный трупный запах, которым заражён воздух на многие километры вокруг. Местная женщина ведёт нас за лагерь и показывает слегка присыпанный землей ров – могилу, в которую гитлеровцы, как и за шахтой № 10, сваливали трупы замученных и умерших голодной смертью военнопленных. Отступая, угнали с собой ещё оставшихся в живых. Кто-то врыл в землю возле рва струганый столбик с дощечкой: «Здесь похоронено 5000 пленных красноармейцев».

Из Чистякова шоссе ведёт на ЗургЭС. Снова бредут с тачками женщины. Нельзя свернуть на полметра в сторону – справа и слева лежат по обочинам дороги извлечённые из земли и ещё не обезвреженные сапёрами мины, похожие на ящики из-под папирос, на детские шифоньеры, метрические рулетки, на красивые ларцы с рождественскими игрушками. Такая «игрушка» способна поразить отделение бойцов. Шофёр «доджа» зазевался на какую-то долю секунды, и, подброшенный страшной силой взрыва, «додж» свалился с насыпи.

Наступление развивается так быстро, что сапёры не успевают обезвредить все мины. Надо идти вперёд, расчищая дорогу пехоте. Сапёры сегодня в первых рядах нашего наступления в Донбассе.

Немцы взорвали и разбили при отступлении ЗургЭС. Сквозь обгоревшие конструкции видны клочья сентябрьского неба. Но уже откапывают рабочие из-под щебня машины, возятся монтажники с молотками, с гаечными ключами в руках. Зургэсовцы говорят, что из нескольких разрушенных энергоустановок соберут и в ближайшее же время пустят в ход по меньшей мере одну установку.

– А там, смотри, и другую, – лукаво улыбнувшись, сказал мне монтажник.

Измученные, исхудавшие люди молодеют на глазах, в их взгляде вспыхнул тот блеск, который на протяжении двух лет был запрятан внутрь. Они берутся за всякую работу, а когда к ним обращаются с простым советским словом «товарищ», у них появляются на глазах слезы.

Следующей после ЗургЭС только что освобождённый город Донбасса – Харцызск. Автомагистраль углубляется в самое сердце Донбасса, всё чаще выплывающие впереди курганы терриконов. Всё ближе фронт, явственнее удары пушек, треск пулемётов. Нужно посматривать и на небо – «мессеры» выются над шоссе. В лесопосадке, куда пришлось спрятаться от воздушного налёта, красноармейцы, собравшись в кружок, читают свежий номер армейской газеты. С их губ срываются восклицания, когда в числе героев сегодняшних боёв за Донбасс они узнают себя и своих товарищей. Узнают Семёна Пожидаева, комсомольца, который в критический момент атаки первым поднялся с земли, увлекая товарищей. Узнают гвардии сержанта Вдовкина, который расстрелял из пулемёта 50 гитлеровцев, гвардии старшего сержанта Абашина, захватившего в бою 105-миллиметровую немецкую пушку и повернувшего её против немцев.

Привал закончен, красноармейцы поднимаются с травы и опять – вперёд. Тянут за собой станковые пулемёты, несут противотанковые ружья. Нескончаемый поток, извиваясь, ползёт к фронту, проходит через Харцызск, в котором камни ещё дымятся боем, и течёт дальше, к Макеевке. В Харцызске над вокзалом ещё держится облако дыма. В домах вокруг вокзала вылетели рамы – так велика была сила взрыва, совершенного гитлеровцами перед бегством. Они взорвали и здание вокзала, и склады, и даже будки стрелочников. Не успев эвакуировать награбленное, уничтожили крупнейшие запасы продовольствия – масло, консервы, муку, крупу. На глазах у голодных женщин бросали в огонь ящики с маслом.

Харцызск – небольшой город, но за два года и здесь успели разгуляться гестаповские палачи. Здание гестапо в Почтовом переулке безвозвратно поглощало ни в чём не повинных людей. Ночами окружали жилые кварталы, без разбора хватали мужчин и женщин. Местом расправы служила камера в гестапо, стены которой и сейчас забрызганы кровью, и пустырь за Канатной слободкой. В камере арестованных избивали дубинками, обливали ледяной водой, пытали, а за Канатной слободкой – расстреливали. Так, после зверских пыток там были расстреляны рабочий трубопрокатного завода Погорельцев, старик Чубенко, сотни других советских патриотов.

Не от того ли так горят глаза юношей, которые теперь буквально осаждают харцызский горвоенкомат, требуя немедленно отправить их на фронт.

При выезде из Харцызска вижу, как молодая безоружная женщина конвоирует двух гитлеровцев: унтер-офицера и солдата. Останавливаемся и расспрашиваем необычного конвоира. Зовут её Елена Тодосийчук, ей 31 год, живёт она по улице Заводской в доме № 28. Проходя мимо одного сарая, Елена Федоровна заглянула в приоткрытую дверь и увидела двух немцев. «Ком», – наставив на неё пистолет, крикнул ей унтер-офицер. В одной руке он держал пистолет, другой манил женщину к себе. Но Елена Федоровна, широко распахнув двери сарая, громко крикнула: «Немцы, сдавайтесь!». Унтер-офицер опустил руку с пистолетом, а солдат, лежавший на соломе вниз лицом, даже не попытался сопротивляться. Послушно поднялся с земли и побрел под конвоем безоружной женщины.

От Харцызска до Макеевки – рукой подать. По правую сторону от дороги шофёры выкатывают из ворот гаража брошенные гитлеровцами новенькие скаты, наскоро обувают свои машины в трофейную резину. Приближаясь к Макеевке, въезжаешь прямо в бой. Слева, из лесопосадки, ведёт огонь по отступающим колоннам противника гвардейское минометное подразделение капитана Кипельмана. Выбитый из Макеевки враг обстреливает улицы из орудий. В десяти метрах впереди вдруг вспыхивает подожжённый снарядом грузовик. Надо оставлять машину и идти к центру города, придерживаясь стен домов. Ещё не полностью очищен город от вражеских автоматчиков. В отместку за своё поражение немцы беспорядочно бомбят жилые кварталы города. Но в городе уже начинает бурлить жизнь. С передовыми частями вступили в Макеевку горком коммунистической партии Украины, горсовет. Советский комендант в приказе № 1, расклеенном на обугленных заборах и стенах, объявляет об освобождении Макеевки от немецко-фашистских захватчиков. Женщины радостно обступают бойцов.

А тем надо спешить, идти вперёд. Бой продолжается. Противник, укрепившись на высотах за городом, хочет сдержать наше наступление. На левом фланге он бросается в контратаки, группе автоматчиков даже удаётся вклиниться в наши боевые порядки, но потом наша пехота отбрасывает их. Идёт бой и за шоссе, которое ведёт на запад, в Сталино. Вечереет. Встают впереди зарева – это немцы жгут столицу Донбасса. Опять наши сапёры под огнём расчищают путь пехоте, выковыривая из земли мины.

Сбитый с важнейшего оборонительного рубежа в Донбассе, противник ещё пытается задержаться на подступах к его столице. Он огрызается огнём, бросает в бой резервы, цепляется

за автомагистраль. Наши усилия сводятся к тому, чтобы поскорей оседлать её. Нервничает гитлеровское командование, боясь окружения своей группировки, потому что бой подкатывается к столице Донбасса с трёх сторон – со стороны Иловайска, со стороны Макеевки и со стороны Горловки.

Бойцы, которыми командует Белов, километр за километром отвоевывают у врага автомагистраль, ведущую к сердцу Донбасса. И вот уже взору открывается затянутый дымной пеленой город – столица всесоюзной кочегарки. Противник в беспорядке начинает отход по шоссе, наша пехота, преследуя его, неотступно идёт за огневым артиллерийским валом. Артбатареи всё дальше на запад отодвигают этот вал. Разрывы опоясывают окраину города.

И вот уже волна наступления перекидывается на окраину Сталино и, не задерживаясь, перекачивается через весь город. Уже гудит бой на подступах к Красноармейску.

По разбитой, изрытой снарядами и бомбами автомагистрали въезжаем в столицу Донбасса.

8 сентября 1943 г.

ШЛАНГ 7000/34 15.05 ФАРА ВОЕННОМУ КОРРЕСПОНДЕНТУ КОМСОМОЛЬСКОЙ ПРАВДЫ КАЛИНИНУ
СУДЯ ПО ВАШЕМУ ПИСЬМУ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ
ДЕЛАЮТ ДОВОЛЬНО ДЛИТЕЛЬНЫЙ ПУТЬ ЗПТ ПОЭТОМУ
ОГРАНИЧИВАЮСЬ ПОКА ТЕЛЕГРАММОЙ ЗПТ ЕЩЁ ЛУЧШЕ
ЛИЧНО ПОГОВОРИТЬ ТЧК ЕСЛИ СОЧТЕТЕ ВОЗМОЖНЫМ
ПРИЕЗЖАЙТЕ МОСКВУ ПРЕДВАРИТЕЛЬНО ИЗВЕСТИВ
СВОЕМ ЖЕЛАНИИ ТЧК СТИХИ О ДНЕПРЕ И ПЕСНЮ
О ДРУЖБЕ ДАДИМ ЗПТ БАЛЛАДУ ДАВАТЬ НЕЛЬЗЯ ХОТЯ
ОНА И ХОРОШО СДЕЛАНА ТЧК ЖМУ РУКУ ЖЕЛАЮ
ЗОДОРОВЬЯ = БУРКОВ +

Рассказывает Н. А. Калинина:

«Вот отрывки из этой баллады, которая ещё нигде не публиковалась, записанные от руки в серую фронтовую тетрадку. Она называется в оригинале «Баллада о ненависти». Думаю, Отец не возвращался к ней по той причине, что чувство ненависти не входило в арсенал его чувств. Хотя тогда, по горячим следам, он испытал лютую ненависть к врагу.

...Дорога, идущая полем,
Тем часом приходит в село.
Ещё не остыли руины,
И носится пепел в селе,
Немая толпа украинок
Гребётся в горячей золе.
Седые старушечьи волосы
В тоске распутив на ветру,
Безумная женщина в голос

Свою отпевает сестру,
Повешенные на дереве
Колышутся в ряд, как лес,
Подростки, убитые зверем
С коричневым знаком «эс-эс».
Пленный в зелёном мундире,
Руки прижав к груди,
Торопит скорей конвоира,
Скорее мимо пройти...

Женщины в траурных шалях
Бегут, узнавая его -
Они бы его узнали
Из многих тысяч врагов.
Тот, кто убил ребёнка,
Тот, кто разрушил очаг,
Тот, кто стрелял в икону –
Самый смертельный враг!

Проклятый! – кричали жёны,
Проклятый! – гудела земля,
Проклятый! – роптали сожжённые
Скорбящие тополя.

...Красноармеец вскинул
В суровой руке приклад
И молча повёл постылого
На десять шагов впереди,
С черным дулом в затылок,
С ненавистью в груди.

ЧЁРНЫЕ ДНИ ГОРОДА СТАЛИНО

Дымится всё: дымятся чёрные камни мостовой, дымятся головёшки деревьев в сгоревшем парке, весь город дымится догорающими пожарами. Просто перечень того, что сожгли и взорвали немцы перед своим отступлением из Сталино, занял бы несколько страниц. Мы укажем только основные здания, которые служили украшением столицы Донбасса. Это в первую очередь Дом Советов в центре города, превращённый теперь в кирпичный коробок, выжженный внутри. Это дворец пионеров, Индустриальный институт, Госбанк, здание Угольного комбината, все постройки соцгородка, все кинотеатры, за редким исключением все школы города. Выжжен центр, разбит вокзал, разрушены окраины...

Сжигали потому, что знали – уходят навсегда. Возврата больше нет. Фашисту Эйхману не сидеть больше в бургомистерском кресле, коменданту подполковнику Ленцу не истязать жертв в своём кабинете. А ведь ещё совсем недавно, в номере за 1 сентября, издававшейся в Сталино на немецкие деньги газетенки «Донецкий вестник», этот самый Ленц, обращаясь к населению города, писал:

«С некоторых пор по городу стали ходить тревожные слухи о безнадёжном положении немецких войск на фронте и о том, что приход большевиков в Сталино – это дело нескольких дней. Усилившееся движение машин по улицам города рассматривается как явное отступление немецких частей и не думается о многих других возможных для этого причинах. Прежде чем верить в эти недопустимые и явно панические слухи, каждый житель должен хорошенько поразмыслить и серьёзно отнестись к теперешнему положению».

И дальше подполковник Ленц выбалтывает:

«Сейчас война, бояться и удивляться тому, что фронт не является стабильным и от времени до времени изменяется его положение, не приходится».

Вот как они старались подготовить население к своему предстоящему через несколько дней бегству из города. Жители Сталино не были слепыми, они хорошо видели все признаки поражения немцев, слышали победный орудийный гул наступающей Красной Армии и нетерпеливо ждали прихода её в город. Никого не могли обмануть уверения немецкого командования в том, что «город находится в надёжных руках Германских войск».

Они ещё пытались сделать хорошую мину при плохой игре. В том же номере «Донецкого вестника» немцы вдруг объявили, что «В начале сентября в Юзовском театре музыкальной комедии открывается новый сезон 1943–44 г.г. К открытию сезона театр получает новое помещение».

Немцы малость просчитались. Сталинский театр музыкальной комедии действительно возобновляет свою работу в предстоящем зимнем сезоне. Честные советские артисты, которые саботировали немцев в дни оккупации города, сейчас собираются в труппу. Но не эсэсовские жеребцы будут зрителями на спектаклях театра, а трудящиеся города, советские люди, освобождённые Красной Армией от ига оккупантов.

Для жителей города Сталино кончились чёрные дни, кончилась ночь – она сменилась днём, озарившим сожжённые, разрушенные, но полные радостной суеты кварталы многострадального города. То, что прожито, останется как воспоминание, как страшный сон, который больше не повторится. Да, это было похоже на дурной сон, и тем радостней сегодня пробуждение людей.

Хлопья гари ещё носятся в воздухе, как клочки этого сна. На 7-й линии толпа людей с одобрением наблюдает, как двое подростков срывают со стены дома № 20 вывеску на немецком языке. По-русски эта надпись гласит: «Дом терпимости». На главной улице города, на 1-й линии, догорает корпус Индустриального института, в дни оккупации здесь помещался филиал германского акционерного общества «Восток». Это общество ведаёт эксплуатацией, а правильно говоря, грабёжом советских областей, захваченных немецкими войсками. За его спиной стоят крупнейшие немецкие промышленники и финансисты, такие известные германские фирмы как «Доктор Кох», «Симменс», «Вольф» и другие. В Сталино интересы этих фирм представляли налетевшие в Донбасс, как саранча, крупный заводчик барон фон Фиркс, промышленник Дейниц, фабрикант Шунк, банкир Визе, владелец четырёх электростанций в Германии Шмидт и другие. Всего в Сталино проживало 140 немецких фабрикантов, заводчиков, финансистов, которые поставили себе задачей разбогатеть на крови и слезах населения оккупированного Донбасса.

Выполнению этой задачи они посвящали всю свою деятельность. Фабрикант Шмидт немедленно поспешил открыть в Сталино электростанцию, который влачил жалкое существование из-за саботажа рабочих. Фирма «Вольф» открыла

торговлю рудничными лампами, фирма «Бальке» – водоочистительными шахтными установками.

Но шмидты, фирксы и шунки не учли одного: советская земля будет весьма неблагодарной почвой для их капиталистической деятельности. Ни угрозами, ни заигрываниями они не смогли заставить русских людей тянуть на них лямку.

Фирме «Вольф» некому было сбывать свои рудничные лампы, а фирме «Бальке» свои водоочистительные установки, потому что немцы не сумели, да и не в силах были вдохнуть жизнь в бездействующие – мёртвые – шахты Донбасса. Напрасно Геббельс писал, что «Немецкий производственный гений возродит Донбасс». За два года немцы руками военнопленных красноармейцев сумели пустить в ход только несколько местных шахтёнок областного значения. Они выдавали десятки тонн угля в сутки вместо многих десятков тысяч тонн, которые давал Донбасс раньше. Созданная в Сталино так называемая «Виршафткоманда» (Восстановительная команда) была на деле организацией плутов, бездельников и грабителей. Все эти фирксы и шунки, лопнув со своими затеями крупного масштаба, занялись коллекционированием мехов, золотых вещей, вымогаемых у голодного населения под разными предлогами. Все 140 «цивильных» немцев (цивильными в Германии называют офицеров с чиновничьими погонами) усиленно заготавливали русское подсолнечное масло и в запаянных банках вагонами отправляли в Германию. Для этих 140 трутней в городе, кроме домов терпимости, были открыты шесть казино, где стояли карточные столы и рекой лились французские вина.

А жители города в это время буквально умирали от голода. Очень немногим из тех, кого немцы заставили работать на предприятиях, выдавался скудный хлебный паек – 285 граммов хлеба в сутки. Вот он лежит у меня на ладони – серый, похожий на глину, ломтик такого хлеба. Знающие люди рассказали мне немецкий рецепт его изготовления. Этот хлеб выпекался из горелых высевок проса, горелой крупномолотой кукурузы и горелого ячменя. Если люди не умирали от голода, то, поев такого хлеба, они начинали страдать тяжёлыми желудочными заболеваниями. Жители города называли немецкий хлеб «комбикормом».

Но и такой хлеб получали не все. В том-то и дело, что из десятков тысяч оставшихся в городе жителей эти 285 граммов в сутки немецкого хлеба получали всего несколько сотен людей. Остальные должны были умирать мучительной – голодной смертью.

Это входило в чудовищный план фашистов – заставить население Донбасса и в первую очередь его неработающую часть умирать. Если же люди отказывались умирать добровольно, их с пунктуальной немецкой методичностью умерщвляли насильно.

Загляните в ствол шахты «Калиновка». Немцы сделали её страшной могилой для убитых ими советских людей. Они, то есть немцы – гестаповцы, – либо расстреливали, а потом сбрасывали в ствол шахты людей, либо просто сталкивали их живыми. Сколько там похоронено, кто там нашёл себе смерть от руки фашистских палачей – все эти подробности будут выяснены специальной комиссией по расследованию злодеяний гитлеровцев в Сталино. Эта же комиссия и установит фамилии четверых советских патриотов, повешенных немцами на Базарной площади в центре города, подсчитает все материальные убытки, причинённые оккупантами столице Донбасса.

Сейчас во всех освобождённых Красной Армией городах Донбасса такие комиссии уже приступили к работе. Тяжёлая ответственность выпала на долю членов комиссий – шаг за шагом, день за днём проследить и зарегистрировать все преступления гитлеровских палачей. Список этих преступлений будет бесконечен, кровавая фантазия тевтонов не имеет границ. В Сталино они заживо сбрасывали людей в ствол шахты. В городе Ворошиловске в помещении гестапо мы видели специально устроенные печи, в которых немцы тоже заживо сжигали советских людей. Какие ещё новые формы пыток гестаповцев над нашими людьми откроются в других освобождённых городах Донбасса?..

Эти пытки не могли поколебать веры наших людей. Все, с кем пришлось встретиться в городе Сталино в эти первые радостные дни освобождения, в один голос говорят о мужественном поведении девушек города, которых немцы прямо на улицах хватали, бросали в машины и везли на земляные военные работы. Осыпаемые ударами солдат, девушки ехали в машинах и громко пели «В бой за Родину, в бой за Сталина». И это случалось почти каждый день.

Ночами из своих убежищ, из старых заброшенных шахт выходили партизаны и совершали нападения на оккупантов. В городе раскатывались гулкие выстрелы. Город не сдавался. Город верил, город вёл борьбу.

9 сентября 1943 г.

Стихи из военной тетради:

Тиха украинская ночь,
Когда в степи умолкнут пушки,
Но отчего уснуть невмочь
На этой вышитой подушке?

Нет, не забыться до утра,
В крестьянской мазанке ночуя,
Пока дыхания Днепра
Мой конь ноздрями не почует,

Пока шумит столетний дуб,
Пока в степи криница ропщет,
Пока спесивый душегуб
Твою святую землю топчет,

Пока не ляжет под курган
С пробитой каской в изголовье,
Пока до самых до стремян
Не буду сыт фашистской кровью.

*15–16 сентября 1943 г., Южная Украина.
Старый Кременчик (под Гуляй-Полем)*

КРАСНЫЙ ОКОЛЫШ

Вечером в большом школьном зале генерал вручал ордена. Конногвардейцы выстроились в ниточку вдоль стены. Поперёк зала стоял длинный стол. На столе пылали свечи, много свечей, маленьких и больших, горящих ослепительно-ярким белым пламенем. В разбитые окна школы вривался свежий весенний ветер, пламя свечей колебалось, и тени дрожали на стенах. В окна заглядывали женщины и ребяташки.

Когда генерал назвал имя капитана Говердовского, из шеренги конногвардейцев вышел ладный, коренастый паренёк в казачьей фуражке с красным околышем. Пружинистой походкой кавалериста он подошёл к столу и замер, жмурясь от яркого света. В освещённый круг попало горбоносое лицо, светло-карие, словно налитые янтарём, глаза, огненно вспыхнул околыш

фуражки. Вручая орден, генерал задержал руку капитана Говердовского в своей руке и сказал:

– Казак. Настоящий казак. Хвалю.

Конногвардеец, часто мигая, смотрел в лицо генералу. Он глубоко вдохнул в себя воздух, словно собираясь что-то сказать отчётливо и громко, а сказал совсем тихо и только одно слово:

– Спасибо.

Сказал и, круто повернувшись, всё тем же гибким пружинистым шагом пошёл на своё место и стал, слившись с тёмной шеренгой. Он стоял в самом углу зала, в полумраке агатово мерцали глаза. С улицы доносилось приглушенное кагаканье пролетавших над хутором гусей. Они шли станицами откуда-то издалека, с юга. Константин Говердовский подумал, что, может быть, они летят из родных мест, из далёкой, оставленной позади, терской степи. Подумал и вздохнул. Вздохнул не потому, что тянуло на родину, – легче стало на душе, когда она оказалась позади, – а потому вздохнул, что никого уже из близких не осталось на родине и никто теперь его там не ждёт, не выглядывает.

Оставался у Константина Говердовского отец, но и его теперь нет в живых. В начале нашего наступления на Северном Кавказе, когда был занят родной город Говердовского – Моздок, он, отпросившись у начальника, сбежал на минутку домой и был ошеломлён страшным известием. Соседи рассказали, что семидесятилетнего отца Константина увели с собой немцы и убили на городской площади, на глазах у тысяч людей. Убили за то, что он – казак, а сын его тоже казак и служит в кавалерийской части, которой немцы боятся, как огня. Перед смертью старика долго били, офицер схватил его за седые усы и кричал:

– Казак? У, сволочь! Я тебя заставлю забыть этот дурацкий слово.

Костя молча слушал, что ему рассказывали соседи. Он вообще был немногословен, а тут слова застряли в горле, и кровь толчками стучалась в висках. Шатаясь, как пьяный, он пошёл от родной калитки, ни разу не оглянувшись, ссутуля крутые плечи. Такой же молчаливый он вернулся в часть и на расспросы товарищей, что с ним произошло, односложно отвечал:

– Ничего.

В тот же день он пришёл к своему начальнику и попросился у него в разведку.

– Зачем? – удивился полковник.

Говердовский хотел что-то ответить, но только махнул рукой и судорожно затряс головой. Полковник понял его и дал разре-

шение. Говердовский вышел, сел в броневичок и поехал к хутору, в котором сидели немцы. Набирая скорость, броневичок с бугра мчался по открытой местности.

Ржавое облако песчаной пыли быстро приближалось к хутору. Немцы, очевидно, были ошеломлены дерзостью маленького броневичка – они открыли огонь, когда он уже ворвался на хуторскую площадь. Пулемёт броневичка неумолчно стрелял, вертясь во все стороны. Говердовский вдвоём с водителем вступил в борьбу с замаскированными пулемётами, с миномётами и автоматчиками. Но он и не собирался уклоняться от этого неравного поединка, а, наоборот, сам выискивал пулемётные гнёзда и расстреливал пулемётчиков в упор.

Броневичок вертелся как волчок, броня его дымилась, но отважный пулемётчик в фуражке с красным околышем как-то чудом оставался невредим, и ярость его обрушивалась на головы врагов. Скоро пулемёт его захлебнулся и смолк – у пулемётчика вышли все патроны. Тогда Говердовский стал метать на головы врагов гранаты. Скоро и гранат не осталось. Вошедший в азарт Говердовский стрелял из винтовки, из пистолета – и так был израсходован последний патрон.

Увидев, что броневичок безоружен, немцы осмелели. Они открыли огонь из всех видов оружия, окружая маленький экипаж сплошным кольцом. Пули и осколки танцевали по горячей броне. Броневичок стал вырываться из кольца. На одном его колесе резина превратилась в лохмотья, и он ехал на диске, загребая песок. Немцы попытались его догнать. Но как только они вырвались из хутора, казаки с бугра встретили их дружным огнём, и погоня отстала. Пылая жаром, броневичок остановился среди своих. Казаки подбежали, открыли дверцу.

– Ты жив? – с изумлением спрашивали они Говердовского. Задымленный пулемётчик только молча кивнул головой.

– Ты что, Говердовский, белены объелся? – говорил ему после полковник.

– Это я за отца, – устало ответил Говердовский. Больше он не сказал ни слова.

Полковник его в этот день ругать не стал, но спустя несколько дней всё-таки сказал:

– Вот что, Говердовский, я тебя понимаю и оправдываю... на этот раз! – Он подчеркнул последние слова. – Но ведь с тобой это случается не впервые. Тебя посылаешь в полк, в эскадрон комсомолом заниматься, а ты обязательно в бой ввяжешься. Ты ведь не рядовой боец, не разведчик, не пулемётчик, а комсомольский работник. Конечно, в горячую минуту ты дол-

жен быть на высоте и впереди, ты можешь возглавить атаку, но ведь у тебя это каждый раз. Я уже боюсь тебя в эскадроны посылать. Где нужно и где не нужно, ты ложишься за пулемёт, летишь в рубку, идёшь в поиск. Как ты не поймёшь, что разведчиков у нас десятки и сотни, а комсомольский работник на всё соединение один. Ты понимаешь меня, Говердовский?

– Понимаю, товарищ полковник. Так точно, я – комсомольский работник и по должности помощник начальника политотдела. Но я так думаю, что от меня требуется и разведчиком быть, и пулемётчиком, и в атаку пойти на коне. Вы сами рассудите, товарищ полковник: вот я вчера приехал в эскадрон, там мы принимали в комсомол Лукьянова, а где я могу проверить, достоин он или не достоин комсомольского звания? Где проверишь лучше, чем в бою? Вот и должен я пойти с ним в атаку и посмотреть, как он будет рубаться с врагами, и подмогнуть ему в серьёзный момент, и пример показать. Или, скажем, надо было мне поближе познакомиться с полковым отсеком Александром Гудневым. Где это знакомство может состояться? Опять же в бою. Теперь сами рассудите, товарищ полковник, должен я ходить в разведку или нет...

– Гм... – Полковник не знал, сердиться ему или соглашаться. – Но побережись-то ты должен! – буркнул он. А когда Говердовский ушёл, он подумал: «Вот и докажи ему, что он не прав. А и в самом деле – где его место, как не в бою? Это, пожалуй, лучше, чем зарыться в политотделе в бумаги и читать донесения».

Тут полковник вспомнил, что он и сам не очень большой охотник до бумаг.

«Красный околыш» было ласковое прозвище, которое прочно укрепилось в соединении за Костей Говердовским. Казаки так и говорили: «Ну, здравствуй, Красный Околыш!». «Ты, Красный Околыш, опять там накуролесил в эскадроне?». «Ох, не сносишь ты своей головушки, Красный Околыш».

Так нарекли Костю Говердовского главным образом за то, что он и летом и зимой, в любое время года, и в дождь, и в пекло не расставался со своей неизменной донской казачьей фуражкой, в то время как другие щеголяли в тёплых косматых и курчавых папах из курпеля, из мерлушки, в барашковых кубанках с синим и с красным верхом. Костя всегда оставался верен своему красному околышу и оберегал его честь с завидной ревностью. Его казачья фуражка мелькала в окопах, когда казаки сидели в обороне под Моздоком; она, как цветок тюльпана, колыхалась среди папах в бою, когда конногвардейцы рвались

в наступление под Ставрополем; её всегда видели в самых опасных, в самых огневых местах, в клубке схваток, в дыму сражений.

Нет, Костя не забывал, что он комсомольский работник, даже в пылу боя, в увлечении рубкой. Когда казаки, наступая, отгоняли врага и выпадал час короткой передышки, Говердовский появлялся в эскадроне, вынимал из кармана гимнастерки стопочку новеньких комсомольских билетов и, приподнимаясь на стременах, говорил:

– Это твой, Толоконников, это твой, Гусаров, а этот, Суханов, тебе. Видал я, как вы сегодня рубались с немцами. Кровью своей вы заслужили это высокое звание и оправдали его вполне. А тебе, Стадников, надо было бы не давать – не очень-то ты был силён сегодня в бою, и жалею я, что мы поспешили тебя принять. Но я вручаю тебе этот билет и погляжу, как ты будешь рубаться завтра. Пускай этот билет будет лежать у тебя на груди и потушит у тебя в сердце трусость и прибавит силы...

И Стадников назавтра с комсомольским билетом на груди рвался в бой впереди всех, бесстрашно рубился с врагами. И Красный Околыш был с ним рядом и зорко смотрел, чтобы не оплошал молодой комсомолец в бою, чтобы не дрогнула у него рука.

И любят же Красного Околыша молодые бойцы!

Вот он и сейчас стоит перед нами, ладный, коренастый, во-бравший в глаза солнечные зайчики, обнажающий белые зубы в улыбке, смуглый, мужественный, красивый особой – степной – красотой.

Действующая армия

ДОНЕЦКИЕ НОЧИ

Никогда не забыть этих ночей в бело-розовых заревах на аспидном небе, в тучах искр, стремительно пролетающих над головой, в тлетворных запахах горящего камня и металла. Тот, кто был в эти ночи в донецкой степи, навсегда унесёт её в памяти в бушующем океане огня, который сплошной стеной, замкнутым кругом опоясывает чёрные горизонты.

В непрерывном грохоте, в канонаде вдруг наступают минуты тишины, когда становится слышным пение цикад и сердце на одну минутку позволяет обмануть себя этим спокойствием, идёт на обман, – потому что надо же сердцу остыть от жара,

надо же человеку собраться с чувствами и подумать о себе, о своих товарищах, о том, что жизнь идёт своим чередом. Вот в последний раз зацвёл бессмертник, и в его грустноватом аромате уже слышны шаги осени. Ах, как хороша эта спелёнутая секундным безмолвием степь, как хороша жизнь и как огромен мир под этим чёрным звёздным небом! Во всём теле и в мыслях наступает размягчённость, каждый опять становится отцом детей, мужем любимой жены, и теплая, радостная струйка вливается внутрь, бежит по жилам, согревает сердце.

Мы лежали в траве на склоне могильного кургана. Степь лежала перед нами, как раскрытая чёрная книга, с кривыми торопливыми строчками пробегающих трасс, с призрачными иллюстрациями развёртывающегося внизу боя. Огонь вырывал разрозненные куски и эпизоды боя из непроглядной тьмы то в одном, то в другом месте степи. Вот в озарении вспышки встала из ночи батарея с лохматыми фигурами людей. Вот загорелась трава на вершине сопки, и стало ясно видно, как лезут на сопку упрямые шеренги бойцов. Вот поднялись чёрно-красные фонтаны над массивом леса и, как свечи, вспыхнули сухие деревья и открыли взору тёмные громады танков, притаившихся среди стволов в ожидании рассвета.

– Кто-то ушёл в этот бой незаметным бойцом, а вернётся героем, кто-то ползёт сейчас сквозь огонь; пламя лижет его, а он ползёт и ползёт, – глядя вниз, задумчиво сказал младший лейтенант Денисов.

Он сидел на кургане, обхватив колени руками. Отсвет пожарища ложился на его широкое красноватое, словно вылитое из бронзы, лицо. Тем же негромким глуховатым голосом Денисов продолжал:

– Вчера я видел, как один наш человек сражался с танком. Танк шёл на него, шёл прямо на окоп, в котором сидел этот человек, а он и не подумал сдвинуться с места. Он бросил гранату, но неудачно, танк наехал на окоп и прошёл дальше, но человек поднялся из окопа, весь осыпанный землёй, и швырнул в машину вторую гранату, но опять неудачно. Тогда танк вернулся и стал утюжить окоп, вертясь на одной гусенице, и совсем завалил человека глыбами земли. Когда танк уходил, на месте окопа остался только чёрный холмик земли, но, поверите, этот холмик вдруг заколыхался. Оттуда поднялся человек и, прижав к груди гранату, бросился под танк. Я вам не могу назвать фамилии этого человека – разве в горячке боя можно было узнать? Но я, как сейчас, вижу перед глазами эту картину...

Денисов помолчал и с изумлением в голосе спросил:

– Откуда это?.. Огромная сила в нашем человеке, – ответил он сам.

Я вот сейчас смотрю вниз, и мне немного страшно. Но вот завтра утром я опять пойду в бой, тогда сразу всё куда-то исчезнет, тогда ничего не останется в душе, кроме этой узкой полоски земли, которую я вижу в смотровую щель из своего танка, кроме этой узкой каменистой полоски русской земли, за которую я пойду умирать и пошёл бы ещё и ещё раз умирать, если бы человеку было дано жить два и три раза. Вошла она в меня, эта земля. Вот эта русская речушка внизу, мне кажется, омывает моё сердце, а этот серый куст полыни тоже в моём сердце растёт, и всё это такое русское, близкое, что нельзя его отдать никому и непременно нужно взять, вернуть, пусть даже ценою собственной жизни. Мне кажется, и когда я иду в бой, и когда идёт мой товарищ, то он думает не о всей нашей земле, а об этом кусте полыни. Этот куст для него сейчас родина, и он к нему тянется и под ним склонит свою голову, упав в бою.

Разве могли мы знать и разве мог знать сам Денисов, говоря так, что завтра вдруг с такой поразительной – вещью – точностью воплотятся в жизнь его слова, сказанные под чёрным звёздным небом?

Только вечером следующего дня мы опять смогли вернуться в танковую часть, в которой воевал Денисов, и там рассказали нам о его последних часах жизни, о его подвиге, о его смерти в донецкой степи. Танк Денисова в числе других танков наступал на крупное село. После часа напряжённого боя у Денисова вышли все снаряды и все пулемётные диски, и танк, оставаясь в бою, действовал только гусеницами.

– Пробит радиатор, – сообщил командир. Потом были пробиты бортовые баки.

– Ребятки, нам нельзя уходить. Вот возьмём ещё этот курганчик, вот тот, седой. Давайте поднатужимся, – сказал Денисов. Он высунулся из люка и смотрел вперед. На склоне кургана стоял блиндаж, из которого немцы вели минометный огонь. Мотор захлебывался. – На подъём ещё десяток саженей, ещё пяток, – подбадривал экипаж Денисов.

Танк шёл прямо на блиндаж. Немцы высыпали из блиндажа, подняв руки вверх.

– Ага, смилостивились! – закричал Денисов, выскакивая с пистолетом из люка. Но один немец предательски держал руку за спиной, и когда Денисов оказался у всех на виду, бросил в него гранату. Окровавленного Денисова товарищи втащили в танк.

– Гусеницами, – хрипло сказал он.

Танк устремился на блиндаж и раздавил всю группу немцев.

– Надо вывозить командира из боя, – сказал башенный стрелок водителю.

Эти слова услышал Денисов.

– Нет, вперёд, – сказал он. Рана была смертельною, но Денисов нашёл в себе силы приподняться и заглянуть в смотровую щель... – Там балочка. Вперёд, ребята! Это наша, русская балочка, выкурим оттуда немцев, – сказал он.

Танк ворвался в балку и раздавил немецкие пулемётные расчеты. После этого водитель стал разворачивать машину, чтобы уйти в тыл.

– Вперёд, – явственно сказал Денисов.

Бой продолжался. Когда же Денисов впал в забытьё и его положили на другой подбитый танк, который уходил в тыл, он на секунду открыл глаза и попросил приподнять его под руки.

– Я должен видеть эту землю, ведь я за неё умираю, – сказал герой.

У другого села мы видели три наших танка, неподвижно застывших на поле боя. Они были разбросаны на бугре перед селом в шахматном порядке и стояли ещё горячие, все в копоти и окалине, устремлённые вперёд в битве, которая идёт сейчас на широких просторах Донбасса. Наш враг несёт огромные, непоправимые потери, мы тоже несём жертвы, неизмеримо меньшие, но неизбежные в таком гигантском сражении. По тому, как были расположены наши подбитые и сгоревшие танки на поле боя, в каком положении застала их смерть, можно было мысленно нарисовать картину атаки. Левый, самый крайний, танк раздавил одно немецкое орудие, потом другое и двинулся на окоп. Здесь он подорвался на минном поле и застыл, поднявшись на дыбы, наполовину врывшись в землю. Второй танк смял немецкий дзот, проутюжил две траншеи и принял смерть от снаряда. Немцы окружили его – это было видно по десяткам трупов немецких солдат, раскиданных вокруг танка и даже лежащих на танке. Экипаж танка сгорел, но не открыл люка, не сдался врагам. Мы не знаем и никто, должно быть, не знает, как вели себя танкисты в огне. Может быть, они пели, отвечая гордой песней на предложение фашистов сдаться. Может быть, они умерли все сразу после удара снаряда в танк. Мы с трудом открыли прикипевший к раме отверстия люк. Весь экипаж сидел на своих местах. Чёрные, обугленные тела танкистов застыли в одном движении вперёд. Командир прислонился глазами к смотровой щели. Мы выглянули в щель по направлению

его взгляда. Впереди лежала всё та же узкая, седая от пылини полоска русской земли, донецкой земли.

Сухая чёрная донбасская земля... Мы видели вылезших из старой заброшенной шахты горняков-партизан. Скрываясь в шахте, они по ночам выходили наверх и совершали нападения на немцев. Старый, 58-летний, шахтер Илья Трофимович Кучменко взял на ладонь кусок чёрного глянцевого антрацита и дрогнувшим голосом сказал:

– Уголёк, эх, рубать же его будем! Руки мои, руки, вот когда кончится ваша тоска!..

Илья Трофимович махнул рукой и больше ничего не сказал, а другой партизан рассказал нам, что, сидя в шахте, они готовы были запалить уголь, чтобы он горел под ногами у немцев.

– Чтобы горела, пылала под ними донецкая земля, – сказал партизан.

У всех это слово «земля» не сходит с уст: за неё умирал Денисов, о ней тосковали шахтеры. Она горит сейчас под ногами оккупантов, которые под ударами русских людей откатываются назад, на запад, к Днепру.

Ночью, тоскуя о Денисове, мы опять стояли на степном кургане. Только на другом уже, далеко впереди того места, где стояли вчера. Впереди пылали пожары. Опять аспидно-чёрное небо полыхало в бело-розовых заревах. Они стояли над центром Донбасса, над городом, который носит имя того, кто живёт в сердце каждого наступающего бойца. Этот растерзанный и зажжённый врагами город стоял впереди, как маяк, как символ, и к нему всё ближе и ближе пробивалась наступающая Красная Армия.

1943 г.

ЗА РОДНОЙ ДОНБАСС

Бои продолжают. Когда проходишь по горячему полю боя, когда видишь эти разорванные ряды проволоки в двенадцать кольев и эти зияющие пробоинами бетонированные крепостидоты, тогда ясно представляешь себе, что нужно было сделать, какие силы нужно было приложить, сколько воли к победе и ненависти к врагу нужно было вложить в эти метры сухой, холмистой, только что отвоёванной нами донбасской земли.

Советские воины – богатыри! Из суммы их подвигов складывается тот успех, который поворачивает исход боя в нашу

сторону. Снова и снова поражаешься и восхищаешься сердцем нашего советского воина.

I

На картах она отмечена как безымянная высота. Она возвышается над степью, как купол, – и венчает её. С высоты открывается очень хороший обзор на десятки километров вокруг, и того, кто укрепился на ней, смело можно считать хозяином и других, более мелких, высот и берегов водного рубежа, и равнины, расстилающейся за рубежом.

Наступающий полк подошёл к высоте и должен был залечь. Все подступы видны немцам, как на ладони, и буквально каждый вершок земли накрыт плотным огнём, – пыль встаёт и опоясывает кольцами высоту, когда немцы с её вершины открывают стрельбу.

Ломаные линии траншей, колючая проволока, пулемётные гнёзда – и всё это прикрывается одним дзотом, который вырос на высоте, как гриб. Из двух амбразур этого дзота немцы могут стрелять в любую сторону. Полк должен был залечь, потому что никак невозможно укрыться от этих амбразур и преодолеть короткое расстояние, насыщенное смертью. Создавалась заминка, терялся темп наступления, а нужно было идти и идти, ломать вражескую оборону, разрывать её ткань, с хода гнать и бить противника, не давая ему прийти в себя.

Десять разведчиков во главе с Поляковым по ложбине, по высохшему дну ручья скрытно обошли высоту, проделали проход в колючей проволоке и вышли в тыл немецкому дзоту. Поляков вынул ракетницу. Уже было совсем темно. Красная ракета врезалась в небо как молния. В то же мгновение со стороны, где залёг полк, залпом ударили все винтовки и пулемёты, все минометы и полковые пушки. Высота открыла ответный огонь. Поляков полз к дзоту, сжимая в руке гранату, за ним ползли десять разведчиков. У входа в дзот стоял часовой. Какое-то одно мгновенье понадобилось Полякову для того, чтобы лохматой тенью встать из ночи и без звука обрушиться на часового. Они оба упали на землю. В эту же секунду разведчики ворвались в дзот. Завязалась схватка, которая была очень скоротечной. Всё было покончено так быстро, как и наметил Поляков. Дзот умолк. И в то же мгновенье полк поднялся во весь рост и пошёл на штурм высоты. Бойцы кричали «ура», но их крик скорее был похож на ревущий вал какого-то потока, который неудержимо катился вперёд. Немцы были смяты в траншеях и сброшены с высоты.

II

С утра противник бросил в контратаку тридцать пять танков. Впереди плотной стайкой шли двенадцать «тигров». Противник выбрал очень удобный пункт для контратаки и появился с такой стороны, откуда его меньше всего ожидали. С этой стороны артиллеристы, которыми командовал товарищ Сундиев, совсем не были прикрыты пехотой. Орудия остались один на один с танками, впрочем, не один на один, а один против трёх, так как танков было втрое больше, чем орудий. Вместе с танками шёл батальон немецкой пехоты. Ещё оставалось время для того, чтобы быстро сняться и отвести орудия в тыл. Но это означало открыть врагу путь в глубину наших боевых порядков. И Сундиев решил принять бой с танками и с пехотой противника. После в деталях он не мог припомнить, как протекал этот бой. Он только помнит, что в бреши между танками хлынула немецкая пехота. Артиллеристы встретили её на огневых позициях гранатами и штыками, схватившись с немцами врукопашную, и отбросили их. Но потом одна за другой следовали десятки таких атак. Все писари и повара взяли автоматы и дрались с врагом. Сам Сундиев, припав к пулемёту, расстреливал немецких солдат. Но одновременно нужно было вести бой и с танками и встречать врага то спереди, то сзади, то сбоку. А потом приходилось поворачивать жерла пушек в зенит, потому что налетали самолёты и бомбили позиции батарей. И вот наступил такой момент, когда вдруг сразу решился исход боя. Шесть танков горели, как факелы, орудия продолжали вести залповый огонь, и немцы стали пятиться назад. Артиллеристы расстреливали их вдогонку. В это время подошла наша пехота и хлынула вперёд. Она отсекала немецкую пехоту от немецких танков и стала окружать врага.

Сундиев вынул платок и вытер вспотевший лоб. Он окинул глазами поле боя. Шесть сгоревших танков, трупы, десятки и сотни трупов, которые лежали вповалку, рядами, как снопы пшеницы на уборке. Все орудия стояли на своих местах.

III

В группе других штурмовиков комсомолец, младший лейтенант Аркадий Попов штурмовал скопление танков в деревне, занятой врагом. Лётчики насчитали здесь не менее трёхсот танков, которые время от времени перебрасывались противником к линии фронта. Они уходили небольшими группками, двигаясь по оврагам, от лесочка к лесочку.

Штурмовики сделали один заход, бомбы дождём посыпались на танки, и те запылали. Аркадий Попов тоже повёл свой самолёт на штурмовку. Но только хотел он перевести машину в бреющий полёт, как снаряд зенитки продырявил её насквозь. Товарищи увидели, что самолёт Попова вдруг вспыхнул, как факел. В то же время все заметили, что Попов попытался выровнять свою машину. Ему это удалось, и он продолжал идти на штурмовку. Он снижался над западной окраиной деревни, где, по данным разведки, скопилось не менее двухсот танков. Особенно плотной массой стояли они в одном месте, прижимаясь к стенам домов.

И вот к этому месту комсомолец Аркадий Попов направил свой пылающий самолёт с грузом бомб. Штурмовик врезался прямо в гущу машин. Над землёй взметнулся огромный взрыв. Клубился огонь, рвались снаряды, опрокидывались танки. Долго ещё над деревней, занятой врагом, бушевал пожар.

* * *

Ещё за час до этого эпизода ничем не выдающийся лётчик Попов стал гордостью народной. Большое, настоящее сердце было у этого человека.

1943 г., Донбасс

СЕРДЦЕ ДОНБАССА

Да, это уже сердце Донбасса, его центральный промышленный район, его крупные города со светлыми коттеджами, в которых жили шахтёрские семьи, с ажурными шпилями дворцов культуры и массивными колоннадами театров.

Горловка, знаменитая в прошлом своим «Шанхаем», своей «Нахаловкой», своей «Собачеевкой» – мрачными рабочими окраинами, которые за годы Советской власти пошли на слом и уступили место широким улицам и проспектам с белыми рядами домов. Мы построили Горловку заново. Каждый шахтер в городе и в прилегающих к нему посёлках имел свой дом. Рояль и пианино уже не являлись исключительным приобретением в семье горняка. У каждого был свой приусадебный огород.

Что осталось от всего этого теперь? Выжженные, чёрные кварталы с грудями мусора и золы, печные трубы, торчащие как персты то тут, то там, пеньки обгоревших деревьев, пустые коробки взорванных и преданных огню школ. Руины и пепел,

пепел и руины – на каждом шагу. Сначала немцы, ссылаясь на приказ комиссии Розенберга, в порядке конфискации культурных ценностей стали забирать пианино и рояли и в специальных эшелонах отправлять в Германию. Потом в таких же эшелонах стали увозить в Германию и маленьких владельцев пианино, которые учились в Горловском музыкальном училище. В наши руки попало поразительное письмо горловской девушки Раи Ц. из Эйхенау, куда она была увезена, как и десятки тысяч других горловских юношей и девушек, на принудительные работы.

«Дорогая мамочка, – пишет Рая, – я работаю прислугой у моей хозяйки, дою коров, чищу хлев, мою полы в комнатах, ношу воду и рублю дрова. Мамочка, я так сегодня плакала. С вокзала на машине привезли пианино. Фрау приказала мне, чтобы я вытерла с него пыль. Я стала вытирать, откинула крышку и вся задрожала. Мамочка, я увидела на крышке нацарапанное своё имя. Я сейчас же узнала своё пианино, ты меня ещё тогда ругала за то, что я испортила гвоздиком крышку. Мамочка, теперь на моём пианино учится дочка моей хозяйки Марта, она мне ровесница, она играет только гаммы и терции; а я ведь уже выступала в школе на концертах. Когда я в кухне мою посуду, мне из окна слышно, как она играет гаммы, и я потихоньку плачу».

Немцы сделали Раю Ц. судомойкой, она должна чистить немецкий хлев и глотать слезы, слушая, как белобрысая Марта барабанит по клавишам пианино, того самого пианино, которое отец Раи купил ей ко дню рождения.

Пройдите по улицам Горловки. Народ вышел из домов, из всех нор и щелей, приветствуя свою освободительницу – Красную Армию. В городе оживление, какого не было уже два года. Но это не то оживление, которое бывало в революционные праздники до войны: в городе на две трети уменьшилось население. Горловка лишилась лучшего своего украшения – молодёжи. А те из юношей и девушек, которые остались, которым удалось под разными предлогами уклониться от отправки в Германию, те потеряли своё основное качество – молодость. Эти жёлтые старческие лица как будто принадлежат не 16- и не 18-летним людям, а пожилым, познавшим все тяготы жизни мужчинам и женщинам.

Остались одни глаза, брызжущие радостью навстречу красноармейцам, навстречу проходящим через город частям Красной Армии.

Немцы всё делали для того, чтобы растлить, развратить молодёжь, которая ещё оставалась в городе. Около двухсот

девушек в один из дней было схвачено на улицах город и брошено в дома терпимости на потеху эсэсовским жеребцам. Вот что рассказала нам девушка Зоя, случайно спасшаяся от глумления:

«В двенадцать часов дня, когда я шла на рынок, ко мне на улице подошёл немецкий патруль и предложил следовать за ним. Я пыталась протестовать, но солдат грубо замахнулся на меня прикладом. Меня повели через весь город к бывшей Собачеевке. По дороге солдаты хватили других девушек, и так нас набралось человек тридцать. Нас привезли в дом, из которого немцы до этого выселили всех жильцов. Здесь два немецких врача в присутствии группы офицеров подвергли нас унижительному медосмотру. Нас заставили раздеться, и после этого офицеры внимательно рассматривали каждую девушку в отдельности. Они смеялись, о чём-то разговаривая друг с другом, грубо и бессовестно прикасались к нам руками. Когда немецкий врач выслушал меня и нашёл у меня хрипы в легких, он свирепо закричал на меня, приказав убираться вон. Только моя болезнь – туберкулёз – спасла меня от позора. А многие другие девушки так и остались в доме терпимости на поругание офицерам. Я знаю двух, которые сошли там с ума, пять, которые заболели там сифилисом, девять девушек были расстреляны за то, что они вступили в физическую борьбу со своими насильниками или же пытались бежать».

Вся наша молодёжь ненавидела и ненавидит гитлеровцев жгучей ненавистью. В первый же день после вступления Красной Армии в город сотни горловских юношей и девушек стали стучаться в двери советских организаций с просьбой дать им оружие для борьбы с немцами. Стрелки на стенах домов указывают пункт регистрации комсомольцев. Туда тянутся тоже сотни юношей и девушек: многие из них, несмотря на жесточайший военный террор, сохранили свои комсомольские билеты. В городе работало несколько подпольных комсомольских организаций. Мы ещё расскажем о них подробно. Не проходило дня, чтобы в городе не появлялась новая комсомольская листовка, призывающая «не гнуть шеи перед оккупантами, бить их всем и всюду, поджигать у них под ногами землю».

Шахтёрская молодёжь, не согнувшись под ударами оккупантов, высоко пронесла свои сердца, свои головы сквозь фашистскую ночь, сквозь кошмары средневековой реакции, не потеряв надежды на избавление.

Дебальцево – другой крупный центр Донбасса, с железнодорожным узлом многих дорог, огромным депо, паровозным

и вагонным парком. Отсюда уголь Донбасса грузился на вереницы железнодорожных платформ и растекался во все стороны – к Москве, к Ростову, к Сталинграду, в самые далёкие уголки нашей страны. Сотни молодых машинистов работали на Дебальцевском узле. Что с ними стало? Куда делся цвет украинской железнодорожной молодёжи?

По первым, далеко не полным, данным, немцы расстреляли и замучили в Дебальцево 300 железнодорожных рабочих. Но ни пытки, ни убийства не заставили железнодорожников служить оккупантам. Немцы, чтобы привести в движение мёртвые паровозы, должны были привезти своих машинистов из Германии. Молодёжь депо скрывалась, в районе Дебальцево героически действовал комсомольский партизанский отряд, который взрывал стрелки, пускал под откос вражеские эшелоны, поджигал пакгаузы с немецким военным имуществом. Не удалось фашистам поставить нашу рабочую молодёжь на колени.

Ирмино, Дебальцево, Горловка... Мы проходим по Донбассу, идём по его центру, мимо мёртвых шахт, которые завтра будут жить, мимо разрушенных школ и дворцов, которые можно построить, мимо приветствующих нас женщин, чьи разбитые сердца восстановить труднее всего.

Мы – в центре Донбасса. Того самого Донбасса, который немцы объявили своим вторым Руром. Теперь они откатываются под нашими ударами, как стадо чумных крыс, всё пожирая на своём пути.

1943 г.

ДОМ С ГОЛУБЯТНЕЙ

Рота подошла к подножью косогора, на котором лежало местечко. Под косогором текла, извиваясь, речушка, прикрытая подталым ледком и слегка припущенная снегом. Белые домики сбегали к воде, уступами громоздились по склону косогора.

На отшибе от других домиков, вправо, стоял деревянный флигель с голубятней. Двумя окнами флигель смотрел в степь, а двумя на реку, за которой сейчас лежала рота. Командир роты лейтенант Боярышников, накинув на плечи белый халат, стоял за кустами краснотала, приложив к глазам бинокль. В стёклах бинокля проплывали кривые улочки, искрящиеся на солнце обледеневшие крыши домов, купы заиндевелых верб.

Местечко было безлюдно. Люди либо попрятались в погребках, либо немец погнал их на запад, как он это делал повсюду. Никакого движения не было заметно на улицах местечка, но, когда первый взвод, поднявшись из кустов, попробовал спуститься к реке, мины зашлёпали впереди и позади него, густо стали ложиться по восточному берегу.

Стреляли из местечка. Мины ложились так точно, что бойцы вынуждены были залечь, не сделав и пяти шагов, и теперь лежали, не поднимая голов. Боярышников приказал оттянуть взвод немного вправо. Но едва только взвод перекочевал на новое место, как минометный огонь был перенесен сюда. Тогда Боярышников приказал оттянуть взвод в кусты. Однако не прошло и двух минут, как миномёты шарахнули прямо по кустам, сбивая с веток белую морозную пыль.

Бойцы лежали неподвижно в снегу, кое-как окопавшись сапёрными лопатками. Миномёты немцев неистовствовали. Они вели залповый огонь, покрывая смертоносными осколками каждый метр земли. Две мины упали рядом с Боярышниковым. Ошметками снега и земли его обсыпало с головы до ног.

Ясно, что какая-то невидимая рука направляла огонь немецких миномётов. Где-то сидел замаскированный наблюдатель, который хорошо просматривал всю местность. Бинобль Боярышникова напряжённо шарил среди домов.

Рядом с Боярышниковым, прижав к уху трубку полевого аппарата, лежал телефонист Ефим Приходько. Он держал связь с командирами взводов. Осколками мин нити связи несколько раз рвало. Тогда Приходько спускался к реке и, ползая по снегу, искал разрывы. Несмотря на порывы, связь работала бесперебойно. Сейчас Приходько лежал рядом с Боярышниковым и выкрикивал:

– Роза, вы чувствуете меня? Я Перекоп!

– Как ты думаешь, Приходько, где у них наблюдатель? – задумчиво спросил Боярышников. Все его поиски с биноклем пока не привели ни к чему.

– Де – не скажу. А щось мени не нравится от той домик, товарищ лейтенант, – указывая на флигель с голубятней, сказал Приходько.

Боярышников и сам уже давно присматривался к флигельку. Но сколько он ни глядел в бинокль, флигелёк не подавал признаков жизни. Окна его были закрыты ставнями, маленький квадратный дворик, огороженный серым забором, пуст. Ничего похожего на присутствие людей.

Внезапно Приходько издал тихое восклицание:

– Бачите, бачите, товарищ лейтенант?..

Он указывал рукой на флигелёк. Из-за угла флигелька вышла женщина в белом пуховом платке. Она держала в руках таз с бельём. Женщина направилась на середину двора и остановилась возле верёвки, протянутой от сарая к одинокому дереву, стоявшему возле флигелька.

– Странно, раздумчиво сказал Боярышников. – Что за необходимость в этот момент сушить бельё?

– Бачите, бачите? – снова взволнованно закричал Приходько.

Женщина развешивала бельё. Она делала это как-то странно – то повесит мужскую сорочку, то снимет, то снова повесит уже в другом месте. Боярышников внимательно присматривался к её движениям. В странном поведении женщины ему почудилась какая-то осмысленность. Он напряжённо наблюдал. Вот она повесила рядом три полотенца. Получилось что-то вроде буквы «Ш». У Боярышникова заколотилось сердце. Где-то он читал о передаче сигналов вот таким оригинальным и незамысловатым способом.

Боярышников не отрывал бинокля от глаз. Женщина взяла ещё два полотенца и развесила их в виде буквы «Т». Боярышников поймал себя на том, что его начинает увлекать эта игра. Он лихорадочно думал, как же женщина дальше выйдет из положения. Он уже догадывался, что она хочет написать слово «штаб», но ещё не был окончательно уверен в этом.

– Товарищ лейтенант, – сказал Приходько, – зараз вона мужские пидштаники вишатиме. От так жинка!..

Женщина действительно стала развешивать мужское бельё. Видно было, как она заколебалась: буква «А» ей никак не удавалась. Боярышников уже начал сомневаться, в самом ли деле она хочет написать слово «штаб». Он стал думать, что простое совпадение в движениях женщины принял за какие-то осмысленные сигналы.

Однако его сомнения вскоре рассеялись. Развешенное женщиной бельё заколыхалось на ветру. Женщина взяла с земли таз и пошла в глубь двора.

– Шта-аб, – протяжно прочитал Приходько. – Ось шо вона написала! Значит, тутечки у их штаб. А мабуть, у флигельку и сидит той самый наблюдатель с телефоном. Жинка подивилась на телефон и подумала, що це штаб. А може ей трудно було написать це довче слово – «наблюдатель»...

Бельё трепыхалось на ветру. Да, Боярышников теперь не сомневался. Он явственно видел перед собой это слово в стекла бинокля.

– Что будем делать, Приходько? – сказал задумчиво Боярышников.

– Вам виднище, товарищ лейтенант. – Украинец хитро улыбнулся.

– Но ведь там женщина, Приходько!

– Вона не так дурна, товарищ лейтенант. Вона вже десь схоронилась.

Боярышников внимательно рассматривал флигель. Но где же всё-таки спрятался этот наблюдатель? Стёкла бинокля в десятый раз остановились на голубятне. Двери голубятни были открыты, чёрная дыра вела на чердак, но в этой дыре не было заметно никакого движения. И вдруг Боярышников увидел: из дыры высунулся и блеснул на солнце глазок стереотрубы. Теперь всё было ясно.

– Я що казав? – воскликнул Приходько. – От так жинка!

Боярышников увидел, как женщина в белом пуховом платке вышла из ворот флигелька и быстрыми шагами направилась по спуску вниз, к реке. Несколько секунд бинокль Боярышникова, не отрываясь, наблюдал за ней. Белый платок мелькнул в соседнем дворе, свернул в переулок и пропал. Лейтенант облегчённо вздохнул.

– Ну-ка, дай-ка я скажу, – сказал он, беря из рук Приходько трубку полевого телефонного аппарата.

Через три минуты сзади роты, за курганом, тяжело рывкнула батарея. Снаряды с клёкотом пронесли над головой, и тотчас же чёрные фонтаны разрывов встали вокруг домика с голубятней. Флигель окутался дымом. Жёлтые языки огня протянулись к небу.

– Бежит, бежит, товарищ лейтенант! – радостно закричал Приходько.

По крыше домика побежал, пригибаясь, человек в зелёной куртке. Он заметался среди языков пламени. Чёрный дым окутал маленькую серую фигурку.

– Ага, злякався! – торжествуя кричал Приходько.

Рота поднялась в атаку. Немецкие миномёты открыли огонь, но мины ложились далеко за спиной бойцов, – никто больше не направлял огонь немецких минометчиков.

К вечеру местечко было занято. Что-то потянуло Боярышникова сходить на окраину, туда, где стоял флигель с голубятней. Боярышников легко нашёл его по знакомым приметам – ведь он стоял на отшибе от других, на северной окраине местечка. Но теперь от флигелька остались только стены, да печная труба чёрным перстом указывала вверх.

Артиллеристы добросовестно выполнили свою задачу. Но Боярышников с грустью подумал о том, что вот в этом домике когда-то жили люди, а теперь они остались без крова. Однако он не мог поступить иначе.

Во дворе флигелька копошилась какая-то тёмная фигура. Она рылась возле крыльца в кучке золы. Боярышников подошёл ближе. Фигура поднялась с земли. Он узнал ту самую женщину в белом пуховом платке.

Когда он шёл сюда, в его голове вертелось много слов горячей благодарности, которые он должен был сказать женщине, – он почему-то был уверен, что увидит её. Теперь же Боярышников не нашелся ничего сказать и, приблизившись к женщине, только спросил:

– Вы? Вы что здесь делаете?

– Это мой дом, – просто сказала женщина.

Действующая армия, 1943 г.